

МОЛОДЕЖЬ В РЕГИОНАЛЬНОМ ПАРТИЙНО-СОВЕТСКОМ АППАРАТЕ В 1930-Е ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ)

YOUTH IN THE REGIONAL PARTY-SOVIET APPARATUS IN THE 1930S. (ON MATERIALS OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA)

J. Perebinos

Summary. The article on the basis of archival materials shows the place of youth in the party-Soviet apparatus in the late 1920s-1930s. The role of representatives of young generations in public administration in the implementation of the policy of forced socialist modernization is revealed. The study was conducted on the example of the European North of Russia (the Northern Krai (1929–1936 years), the Arkhangelsk and Vologda regions).

Keywords: Youth, party and Soviet apparatus, responsible party and Soviet workers, administrative-command management system, forced socialist modernization.

Перебинос Юлия Александровна

*К.и.н., доцент, Вологодский институт права
и экономики Федеральной службы исполнения наказаний
uliaperebinos@mail.ru*

Аннотация. В статье на основе привлечения архивных материалов показано место молодежи в партийно-советском аппарате в конце 1920-х — 1930-е годы. Раскрыта роль представителей молодых поколений в государственном управлении в условиях реализации политики форсированной социалистической модернизации. Исследование проведено на примере Европейского Севера России (Северного края (1929–1936 гг.), Архангельской и Вологодской областей).

Ключевые слова: Молодежь, партийно-советский аппарат, ответственные партийно-советские работники, административно-командная система управления, форсированная социалистическая модернизация.

В 1930-е гг. в СССР продолжался процесс формирования и утверждения советской модели управления, применительно к которой нередко используются термины «административно-командная система управления», «советская командная система» и др. [24, 26] В рамках ее генезиса и эволюции в структуре советского общества обособился слой «ответственных и руководящих работников» — служащих партийных и советских аппаратов разных уровней, наделенных властными полномочиями. Значительную долю в общей массе партийно-советских функционеров занимала местная, региональная бюрократия. В рассматриваемое десятилетие от эффективности именно ее действий во многом зависел успех реализации политики социалистической модернизации. Необходимостью осуществления индустриализации и коллективизации форсированными темпами была продиктована главная составляющая кадровой политики тех лет по отношению к местному государственно-партийному аппарату — формирование удобного, послушного и в то же время активного и деятельного кадрового ресурса, который был бы способен точно, быстро и эффективно выполнять решения высшей власти. В указанных обстоятельствах центральное руководство в качестве значимого источника для пополнения системы управления новыми ответственными сотрудниками рассматривало молодежь.

Так, еще в 1924 г., выступая перед секретарями уездных комитетов РКП(б), И.В. Сталин отмечал, что

молодежь «представляет благодарнейшую почву для построения будущего». При этом работа среди молодежи, «более или менее свободной» от старых традиций, «приобретает неоценимое значение в деле воспитания новых кадров трудящихся в духе диктатуры пролетариата и социализма» [27, с. 252]. В 1933 г., произнося речь на Первом съезде колхозников-ударников, Сталин вновь указал на то, что «наша молодежь ... свободна от старого груза», «легче всего усваивает ленинские заветы» и потому «она призвана вести вперед отстающих и колеблющихся». В этой связи он напутствовал комсомольцев: «Учитесь большевизму и ведите вперед колеблющихся! Болтайте поменьше, работайте побольше — и дело у вас выйдет наверняка» [38, с. 252–253].

Вовлечение молодежи в сферу управления ставилось одной из задач выдвиженческих кампаний в конце 1920-х — 1930-е гг. Так, первый секретарь Северного крайкома ВКП(б) С.А. Бергвинов, выступая 5 октября 1929 г. на краевом совещании по вопросам выдвиженчества, указывал, что в условиях «социалистического наступления» необходимо осуществлять «массовую чистку нашего аппарата от всего вредного, от тех «Васек», которые ждут 1-го и 15-го, которые не работают на дело социалистического строительства, а только служат» [28]. По мнению регионального партийного лидера, их следовало заменить работниками, «которые бы горели на деле, работали с энтузиазмом» [28]. Такими работниками и являлась молодежь, чьи категоричность суждений, энтузи-

азм и максимализм, а также безоглядная вера в «дело Ленина, Сталина и коммунистической партии» были умело использованы кремлевским руководством. Кроме того, молодежь получала высшее и среднее специальное образование в советских учебных заведениях, а собственные советские специалисты власти были необходимы для реализации социально-экономических задач.

Отметим, что в современной науке под молодежью понимается социально-демографическая группа, для которой характерны определенные возрастные социально-психологические свойства и социальные ценности, обусловленные уровнем социально-экономического, культурного развития, особенностями социализации в обществе [18]. Как правило, к молодежи относится возрастная группа в диапазоне от 16 до 30 лет [22]. Сегодня некоторые учёные предлагают «продлить» молодость до 35 лет [21], а в соответствии с классификацией Всемирной организации здравоохранения — до 44 лет [19]. Также подчеркнем, что в современной теории управления оптимальным возрастом для достижения карьерного пика считается период от 40–45 до 50–60 лет [1; 25]. В этой связи под молодежью в данной публикации понимаются работники партийно-советского аппарата в возрасте до 40 лет. Однако важно подчеркнуть, что для различных групп руководящих должностей в то время были присущи разные уровни «зрелости» и «молодости». К примеру, если занимать должность инструктора райкома партии в 25–30 лет считалось адекватным, но находиться в этой должности после 40 лет означало застой в карьере. В то же время избрание в возрасте до 35 лет первым секретарем райкома ВКП (б) или председателем районного исполкома Советов расценивалось как высокое достижение при продвижении по служебной лестнице.

После Октября 1917 г. управление на местах приняли на себя 30-летние, рожденные в 1880–1890-х гг. Они обладали небольшим жизненным опытом, приобретенным до революции, а потому с большим энтузиазмом, как это свойственно молодежи, восприняли новые политические реалии. Революция предоставила молодым людям, главным образом из числа крестьянства и рабочих, возможность удовлетворить свои карьерные амбиции. В начале 1930-х гг. во власть на места пришли сотрудники, рожденные в первом десятилетии XX в., они вытеснили с регионального политического олимпа поколение ответработников 1890-х годов рождения. В конце 1930-х гг. на волне репрессий и выдвигенческих кампаний руководящие посты в местном партийно-советском аппарате стали занимать представители поколения, рожденного в 1910-х гг.

Среди первых лиц региона, занимавших в течение 1930-х гг. должности первых секретарей Северного крайкома, а затем Архангельского и Вологодского об-

комов, самым молодым руководителем являлся Сергей Адамович Бергавинов. Он сделал головокружительную даже по тем временам карьеру и возглавил огромный Северный край в период проведения социалистической модернизации в возрасте 30 лет. С. А. Бергавинов родился в 1899 г. в Смоленской губ. В партию вступил в марте 1917 г. По профессии являлся слесарем, во время Гражданской войны сначала был политработником в армии, затем служил в ВЧК. В годы нэпа работал инструктором ЦК ВКП(б) в Москве, в 1927 г. был назначен на должность секретаря Архангельского губернского комитета партии, т.е. фактически стал губернатором в 28 лет. В 1929 г., когда состоялось объединение Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской губерний и Коми области в Северный край, именно Бергавинову московское руководство доверило возглавить его. Такую блестящую карьеру в 30 лет он сделал в том числе и благодаря личным связям с центральным руководством. Это находит подтверждение в активной личной и деловой переписке с Молотовым, Кагановичем. Бергавинов был лично знаком со Сталиным. Они поддерживали Бергавинова в его борьбе с оппозицией внутри региона. При этом сам Бергавинов, будучи секретарем Северного крайкома партии, был последовательным проводником генеральной линии Кремля по отношению к региону — сделать из Севера валютный цех страны, превратить Северный край во «Все-союзную лесопилку». Однако ни заслуги перед центром, ни личные отношения с лидерами страны в дальнейшем не спасли Бергавинова от репрессий в конце 1930-х гг. В 1937 г. он был арестован, погиб в Лефортовской тюрьме [39; 41, с. 186–209;]. Карьера С. А. Бергавинова является ярким примером продвижения по служебной лестнице представителей молодежи в послереволюционные десятилетия.

Другие руководители региона в 1930-е гг. вступали в должность, будучи старше. К примеру, после Бергавинова В. И. Иванов возглавил Северный край в возрасте 48 лет [40]. После ликвидации края и создания Северной области первым секретарем областной парторганизации стал 37-летний Д. А. Конторин [37, с. 153–154]. Образованными в 1937 г. Архангельской и Вологодской областями руководили А. Ф. Никаноров и Г. А. Рябов, которым было в ту пору по 43 и 42 года соответственно [3; 32]. После того, как Рябов в 1937 г., а Никаноров в 1939 г., были репрессированы, должность первого секретаря Архангельского обкома занял 38-летний Г. П. Огородников, Вологодскую парторганизацию в возрасте 39 лет возглавил П. Т. Комаров [2; 4]. Как видим, в предвоенные годы в условиях репрессий и выдвигенчества вновь наметилась тенденция к омоложению состава руководителей областей.

Еще отчетливее эта тенденция прослеживается при анализе возрастного состава председателей исполкомов

Советов Северного края, Архангельской и Вологодской областей. Если В. А. Строганов начал руководить в 1935 г. Северным краевым исполкомом в возрасте 47 лет [13], то председателями Архангельского и Вологодского областных исполкомов накануне войны становились ответработники значительно младше. Так, в 1937 г. Г. Ф. Кочуров занял должность председателя Архангельского облисполкома в возрасте 36 лет [20], В. Ф. Жидилягин в 1938 г. — в 35 лет [17]. В 1939 году этот пост занимали последовательно В. С. Мусинский и М. А. Огарков, им было по 32 года [14; 23]. Председателю Организационного комитета Президиума ВЦИК по Вологодской области Н. Н. Командирову в 1937 г. при назначении на должность было 33 года [5].

В годы социалистической модернизации средний возраст работников всего партийно-советского аппарата Европейского Севера России составлял 35 лет, причем это было характерно для всех уровней местной власти. Так, в начале 1937 г. в Северном крайкоме партии чиновники в возрасте от 30 до 40 лет составляли 87%, в Вологодском облисполкоме в 1938 г. они занимали 60% должностей [6; 31]. К началу 1941 г. более 80% руководящих сотрудников Архангельского обкома и 75% чиновников Вологодского обкома находилась в возрасте 31–45 лет, причем большинство составляли 31–35-летние [8; 33].

Представительство лиц младше 30 лет в аппаратах краевых органов власти было наибольшим в начале 1930-х гг. К примеру, в 1930 г. в аппарате Северного крайкома партии группа сотрудников в возрасте младше 30 лет составляла 30–40%, а в 1937 г. их доля значительно (до 5,2%) сократилась [29]. К началу 1941 г. в Архангельском и Вологодском обкомах ВКП(б) работники в возрасте 25–30 лет составляли 23,2% и 14,6% соответственно [8; 33].

На районном уровне власти в 1930-е гг., в частности среди секретарей райкомов партии и председателей райисполкомов Советов преобладающей возрастной группой также являлись 30-летние работники. При этом доля лиц младше 30 лет среди секретарей райкомов в первой половине 1930-х гг. составляла от 38 до 51% [30]. Следовательно, можно с полной уверенностью сказать, что воплощение политики индустриализации и коллективизации на уровне районного звена в значительной степени осуществлялось молодежью. Во второй половине 1930-х гг. в составе районных партийных работников преобладающе группой были чиновники от 31 до 35 лет: например, в 1937 г. в райкомах Северной области они составляли 57,8% сотрудников [31]. К началу 1941 г. их количество в райкомах Архангельской и Вологодской областей сократилось в среднем до 42%, но при этом доля лиц в возрасте до 30 лет увеличилась с 15% в 1937 г. до 20% в 1941 г. [9; 34]

В 1930-е гг. были должности, которые предназначались для молодых сотрудников. Если говорить о партийном аппарате, то это, прежде всего, должность инструктора райкома, которая являлась первой ступенькой в служебной карьере молодого ответственного работника в те годы. Так, в Северной области в 1937 г. инструкторы райкомов в возрасте до 25 лет составляли подавляющее большинство [31]. В составе работников райкомов Вологодской области в возрасте до 30 лет по данным на 1 января 1941 г. инструкторы составляли 40,9% [9]. В конце 1930-х гг. молодежи доверяли исполнение обязанностей заведующих районными отделами здравоохранения и народного образования. Например, на Вологодчине в 1939 г. треть ответственных районных работников в возрасте до 25 лет возглавляла районные отделы народного образования и здравоохранения. Аналогичная ситуация имела место и в районах Архангельской области в 1940 г. [7; 35] Сложившаяся ситуация обусловлена тем, что на указанные должности в конце десятилетия активно выдвигались выпускники советских высших или средних специальных учебных заведений, окончивших их в середине — второй половине 1930-х гг.

В составе работников сельских Советов представители молодых возрастов всегда составляли большинство. К примеру, по итогам выборов 1930–1931 гг. в Северном крае работники от 18 до 29 лет составляли 64% председателей и секретарей сельсоветов. После выборной кампании 1934 г. численность председателей и секретарей сельсоветов Северного края в возрасте 18–25 лет составляло четверть всех сельских руководителей [12; 15]. Такое значительное присутствие молодежи среди сельских чиновников обуславливалось низкой оплатой их труда при высокой административной загруженности. Как следствие, наблюдались высокая текучесть кадров председателей и секретарей сельсоветов, их острая нехватка, что приходилось компенсировать преимущественно представителями молодого поколения. Более того, иногда на административных должностях работали несовершеннолетние. Так, в 1929–1930 гг. секретарем Кихтенского сельсовета Усть-Кубенского района Вологодского округа Северного края работал 14-летний подросток [16].

Итак, привлечение молодежи в сферу управления стало одним из кадровых приоритетов тех лет. Иногда молодежь становилась у руля власти без веских на то оснований, просто в силу соответствия кадровым установкам высшего партийного руководства, а потому эффективность их работы не всегда была высокой. Вместе с тем, энтузиазм, энергичность, более высокий, чем у старших товарищей, уровень образования, а также поддержка сверху делали их конкурентоспособнее. Наличие в региональных властных структурах большого количества

молодых сотрудников способствовало реализации поставленных центром социально-экономических и политических целей, так как молодежь в силу своих психологических возрастных особенностей была более подвержена влиянию, массивной идеологической атаке, пропагандировавшей скорейшее построение социализма в СССР. В то же время ее кадровое наступление на позиции своих предшественников соответствовало демографической ситуации в стране, которая свидетельствовала о преобладании молодежи в структуре населения. Так, согласно материалам Всесоюзной переписи населения 1937 г., лица в возрасте от 20 до 40 лет составляли почти треть (32%) населения СССР [36]. По сведениям, полученным в ходе проведения Всесоюзной переписи 1939 г., представители данных возрастов занимали

34% в составе населения СССР, 33,8% — среди населения РСФСР [10]. По переписи 1939 г. 20–29-летние являлись наиболее многочисленной возрастной группой среди лиц в возрасте 15–49 лет. В Архангельской области они занимали 18,4%, в Вологодской — 14,1% от общей численности населения областей. Второй по численности являлась группа населения в возрасте 30–39 лет: в Вологодской области она составляла 13%, в Архангельской — 14,4% [11, с. 31]. Таким образом, к концу 1930-х гг. у власти в регионе находились представители двух наиболее активных возрастных групп. Важно подчеркнуть, что именно в 1930-е гг. многим представителям молодежи удалось сделать головокружительную карьеру, такую, которая не снилась ни их предшественникам, ни их последователям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами. 10-е изд / пер. с англ., под ред. С. К. Мордовина. — СПб: Питер, 2012. — 848 с.
2. Вестник политической информации. 1989. № 15. С. 31.
3. ВОАНПИ (Вологодский областной архив новейшей политической истории). Ф. 2522. Оп. 1. Д. 9. Л. 23.
4. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 9. Л. 63; Д. 96 Л. 2, 4.
5. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 9. Л. 3, 23.
6. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 151. Л. 61–63.
7. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 131. Л. 3.
8. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 138. Л. 5.
9. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 138. Л. 7, 9.
10. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Возрастной состав населения СССР и союзных республик. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_age_39.php?reg=0&gor=3&Submit=0Kht; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_age_39.php?reg=1&gor=3&Submit=0K (дата обращения: 18.10.2019)
11. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. Россия. — СПб.: Блиц, 1999. — 207 с.
12. ГААО (Государственный архив Архангельской области). Ф. 621. Оп. 1. Д. 590. Л. 116–116 об.
13. ГААО. Ф. 621. Оп. 1. Д. 1001. Л. 2.
14. ГААО. Ф. 2063. Оп. 1. Д. 1308 г. Л. 8.
15. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-1235. Оп. 108. Д. 752. Л. 2.
16. ГАВО (Государственный архив Вологодской области). Ф. 22. Оп. 1. Д. 18. Л. 460.
17. Жидилягин В. Ф. // Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991. URL: <http://knowbysight.info/ZhZZ/08374.asp> (дата обращения: 18.10.2019)
18. Загребин В. В. Подходы к определению категории «Молодёжь» // Концепт. 2014. № 2. URL: <http://enc.znaniy.com/read/674555> (дата обращения: 08.10.2019) [opredeleniyu-kategorii-molodyozh](http://enc.znaniy.com/read/674555) (дата обращения: 08.10.2019).
19. Классификация возрастов, принятая Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ). URL: <http://gazeta-bam.ru/news/media/2017/1/20/klassifikatsiya-vozrastov-prinyataya-vsemirnoj-organizatsiej-zdravoohraneniya-voz/> (дата обращения: 08.10.2019)
20. Кочуров Г. Ф. // Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991. URL: <http://knowbysight.info/KKK/08373.asp> (дата обращения: 18.10.2019)
21. Митягина Е. В., Бушкова-Шиклина Э. В. Молодёжный потенциал: понятийные границы и возможности социологического измерения // Инновационный потенциал современной молодежи: проблемы и условия развития. — Киров: Изд-во ВятГГУ, 2010. — С. 8–19.
22. Молодежь // Краткий словарь по социологии. 2011. URL: <http://enc.znaniy.com/read/674555> (дата обращения: 08.10.2019) [opredeleniyu-kategorii-molodyozh](http://enc.znaniy.com/read/674555) (дата обращения: 08.10.2019).
23. Мусинский В. С. // Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991. URL: <http://knowbysight.info/MMM/10418.asp> (дата обращения: 18.10.2019).
24. Мухаев Р. Т. История государственного управления в России. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. — 607 с.
25. Никифорова Н. А. Формальный статус руководителя как детерминанта восприятия его подчиненными: Дис. ... канд. психол. наук. — Иваново, 1998. — 168 с. URL: <http://www.dslib.net/soc-psixologia/formalnyj-status-rukovoditelja-kak-determinanta-vosprijatija-ego-podchinnennymi.html> (дата обращения: 08.10.2019).
26. Новейшая история России: учебник / А. Н. Сахаров, А. Н. Боханов, В. А. Шестаков; под ред. А. Н. Сахарова. — М.: Проспект, 2014. — 480 с.

27. Об итогах XIII съезда РКП(б): Доклад на курсах секретарей укомов при ЦК РКП(б) 17 июня 1924 г. // Сталин И. В. Сочинения. — Т. 6. — М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947. — 426 с.
28. ОДСПИ ГААО (Отдел документов социально-политической истории Государственного архива Архангельской области). Ф. 290. Оп. 1. Д. 33. Л. 2–3.
29. ОДСПИ ГААО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 189. Л. 180–182; Д. 190. Л. 8; Д. 226. Л. 126–127, 129; Д. 1146. Л. 16–20; Оп. 2. Д. 1376. Л. 13.
30. ОДСПИ ГААО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 189. Л. 43; Д. 1141. Л. 16–20; Д. 1295. Л. 112; Д. 1296. Л. 23–28; Оп. 2. Д. 1376. Л. 12–13.
31. ОДСПИ ГААО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 1376. Л. 12–13;
32. ОДСПИ ГААО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 401. Л. 1 об.;
33. ОДСПИ ГААО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 813. Л. 3 об.;
34. ОДСПИ ГААО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 814. Л. 1–1 об.;
35. ОДСПИ ГААО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 814. Л. 18.
36. Распределение городского и сельского населения СССР по возрасту и полу по материалам Всесоюзной переписи населения 1937 г. URL: <http://www.demoscore.ru/weekly/2009/0373/biblio05.php> (дата обращения: 18.10.2019)
37. Репрессии в Архангельске, 1937–1938: документы и материалы. — Архангельск: Изд-во ПГУ, 1999. — 272 с.
38. Речь на первом съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. // Сталин И. В. Сочинения. — Т. 13. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. — 418 с.
39. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Переписка справочной группы. Д. 22. 1964. Л. 163.
40. РГАСПИ. Переписка справочной группы. Д. 22. 1964. Л. 161.
41. Шубин С. И. Северный край в истории России. Проблемы региональной и национальной политики в 1920–1930-е годы: Монография. — Архангельск: Поморский государственный университет, 2000. — 460 с.

© Перебинос Юлия Александровна (uliaperebinos@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Вологда